

Л.И. Брежневу
от Ю.Ф. Орлова

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Появление этих вопросов было вызвано кампанией против А.Д. Сахарова.

1. Наши ученые получают приблизительно лишь одну тридцатую нобелевских премий по фундаментальным наукам. У нас есть и замечательные исследователи и замечательные результаты, но Вы должны реалистически оценивать ситуацию в целом. В целом же разрыв в числе и качестве открытий не сокращается. Не считаете ли Вы, что это говорит об опасном интеллектуальном отставании страны по сравнению с другими развитыми странами?

2. Исторические факты таковы, что новая научная и промышленная революция началась и интенсивно продолжается на Западе и что наша государственная философия долго боролась против всех основных направлений современной мысли: теории относительности, квантовой теории, гинетики, кибернетики. Теперь эти провалы предпочитают не вспоминать. Однако научная революция далеко еще не закончилась, причем точные науки продолжают вторжение в такие области знаний, которые наша идеология все еще рассматривает как не подлежащие пересмотру "научно-марксистское мировоззрение". Попытки объективного анализа в этих областях рассматриваются как посягательство на государство. Идеологическая нетерпимость такого сорта в целом ограничивает наши способности к сложному мышлению и непредвзятой оценке опыта. Не считаете ли Вы, что по этой причине наше интеллектуальное отставание будет продолжаться и в будущем?

Это не значит, что не следует иметь никакой государственной идеологии. Я глубоко убежден, что и народ и государство должны исповедывать определенные нравственные принципы. Они давно выработаны человеческим опытом. Это — любовь к родине и это — человеческая совесть — общечеловеческая мораль, изобретенная и проповедуемая лучшими представителями поколений. Есть еще один принцип, важность которого мы вынуждены понять если хотим задержаться на черте последнего катаклизма истории. Он состоит в том, что фанатическое следование принципам изменяет сами принципы, что в человеческих отношениях любой принцип должен иметь известную неопределенность толкований и допускать значительную свободу выбора.

Но наша идеология носит совсем другой характер. Она называет себя "научной", что опасно для любой идеологии, так как научная истина способна претерпевать коренные изменения. Это вредно и для науки, которую идеология стремится законсервировать. Что же касается государства, то, поддерживая такую идеологию всеми имеющимися у него средствами, оно попадает в весьма глупое положение.

Не следует ли отсюда, что репрессивный аппарат государства должен быть отделен от этой идеологии, что от детского сада и до Академии Наук нас следует освободить от обязательного обучения и послушания принципам столь ненадежным как с точки зрения научного, так и с точки зрения исторического опыта?

3. Нам незачем отказываться от своего собственного пути развития, в основе которого лежит осуждение частной собственности. Но мы должны признать, что существуют и другие параллельные пути, обладающие своими достоинствами. Так например, Западный опыт показал, что проблема "абсолютного обнищания масс" эффективно решается и в рамках современного капитализма - методами науки и технологии и с участием дополнительных факторов: частичный контроль со стороны государства, давление профсоюзной борьбы, осуществляемое в рамках буржуазных свобод, давление общественной совести, страх перед взрывами насилия. Далее мы видим, что капиталистическая экономика научилась использовать "регулирующие стержни" для предотвращения взрыво-опасных ситуаций и работает в таком колебательном режиме, который можно считать нормальным. Наконец, нужно признать, что сложнейшие человеческие проблемы, связанные с концентрацией власти в немногих руках, выгодным образом смягчаются и затушевываются у них буржуазными свободами и это отнюдь не недостаток, тогда как те же проблемы у нас встанут во весь рост в весьма откровенном виде.

В то же время видно, что если бы мы жили абсолютно изолированно от внешнего мира, мы не знали бы, что существуют другие устойчивые исторические пути. Более того, нам были бы очень долго неизвестны важнейшие научные истины, так как они лежали бы за пределами идеологического барьера, защищаемого всею мощью государства. И между прочим, наша идеология оказывалась бы тем самым "доказанной". По существу так оно и было до 1953 года.

Учитывая эти исторические факты, не должны ли мы крайне осторожно относиться ко всем вообще "теориям" и "законам" общественного развития? Не следует ли нам перейти в области государственного управления к осторожному, но активному экспериментальному поиску оптимальных путей с учетом своих собственных исторически сложившихся идей и особенностей? Это сдерживается сейчас отсутствием гласности и отсутствием свободы дискуссий по любым вопросам экономической и политической структуры нашего общества.

4. Кажется правильным утверждение, что вариант строго регламентированного социализма становится выгодным лишь в условиях принципиальной ограниченности энергетических и других ресурсов - как альтернатива расточительному, свободному капитализму. Однако, сейчас можно считать доказанным, что человечеству удается обеспечить себя энергией в течение ближайших сотен лет. Не считаете ли Вы, что уже по этой причине строгий регламент не обязателен и мы можем перейти к почти полной свободе в сфере идей, исключив из этой сферы лишь идеологии насилия и мятежа? Не считаете ли Вы далее, что по той же причине мы могли бы безбоязненно перейти к гораздо большей свободе проявления личной инициативы также и в сфере производства?

5. Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные духовные потребности и качества человека. По существу марксизм отрицает их наличие в природе человека. Однако это предположение не является доказанным научно, то есть методами экспериментальной биологии, биохимии, биофизики. Наука только-только подбирается к этим вопросам. Но наблюдая "крупно-масштабное" несоответствие между практикой и марксистской теорией уже сейчас можно отметить наиболее существенные промахи.

Прежде всего человеческая мораль и совесть существует и является одной из мощных и вечных движущих сил истории. Это свойство

возникает у человека вместе с соображением и благодаря способности испытывать боль не только от реальных, но и от воображаемых страданий. Поэтому человек способен страдать, зная страдания других. Сам Маркс является человеком именно такого типа, хотя и создал упрощенную схему, не учитывающую этого качества.

Что касается насилия, которому придается такое значение в марксизме, то и оно является движущей силой истории. Однако здесь существует одна важная тонкость. Человеческое насилие отнюдь не всегда является строго закономерным следствием внешних условий, как у животных, но может возникнуть, по-видимому спонтанно и пойти далее "в разгон". Проблема насилия требует поэтому вечной бдительности его принципиальных противников, какими бы ни были общественный строй и уровень цивилизации.

Далее потребность свободного и иногда спонтанного выбора решений является внутренним качеством человека. Именно свободный выбор, а не "свобода, как познанная необходимость" является истинной свободой. С этой потребностью бессмысленно бороться. Современное государство должно уметь ее удовлетворять, одновременно ограничивая разумными рамками закона.

Потребность ... высказывать другим свое собственное индивидуальное мнение также является одной из важнейших внутренних потребностей человека, в особенности когда он сыт.

Не кажется ли Вам, что практикующийся у нас подход к человеку и его месту в обществе примитивен и не соответствует объективно существующим человеческим качествам и потребностям?

6. Согласны ли Вы, что истинная культура неделима и непрерывна, что наше интеллектуальное отставание в значительной мере объясняется теми опустошительными разрывами, которые мы сами сделали в своем тонком культурном слое на протяжении истории; что интеллект ученого воспитывается научной традицией, и не только научным, но и всем культурным окружением и что ограниченность воображения в искусстве влияет на воображение в науке?

7. Согласны ли Вы с тем, что мы не изучаем сколь либо серьезно проблему стимулирования крупной хозяйственной деятельности; что оставаясь неизменно в рамках обще-государственной собственности, мы могли бы с пользой для дела резко усилить стимулы, переняв Западный опыт? Может быть, например, нужно время от времени вводить в отдельных отраслях хозяйства режим свободной инициативы, поставив одновременно оплату труда руководителям в зависимости от прибыли и определяя круг отраслей, вводимых в такой режим, в зависимости от текущей конъюнктуры. Однако ясно, что самое главное - это иметь возможность свободно обсуждать любые идеи в этой области. Согласны ли Вы с этим?

8. Возможно некоторых догматиков будут шокировать различные предложения "частичного капитализма без частной собственности" или чего нибудь в том же роде. Но, во-первых, наш главный принцип - отсутствие частной собственности - будет сохраняться; а, во вторых, я вынужден заметить, что в нашей стране социализм принимал на практике черты даже не "феодализма без частной собственности", а - при Сталине - рабовладельчества без частной собственности. В самом деле, чем являлись миллионы лагерников или шаражные ученые, если не государственными рабами? Чем отличается беспаспортный колхозник от

общинника - в смысле своих прав? Что такое наша теперешняя система прописок, если не феодальное ограничение свободного передвижения по территории страны? Создается впечатление, что наш народ до сих пор еще не научился мыслить не феодальными категориями в области правовых отношений. Разве не пора нам перейти на другой более современный уровень более свободных отношений?

9. Одна из наиболее быстрых возможностей выравнивания интеллектуальных потенциалов между странами заключается в отмене запрета на свободные поездки за границу. Речь идет о поездках, совершаемых в тот момент и на столько времени, когда и на сколько это необходимо ученому, инженеру, студенту, писателю, художнику и любому гражданину. Каков смысл этого не выгодного государству и унижительного для граждан запрета?

10. Один из пережитков истории в нашем сознании состоит в том, что мы никому, и ни в какой мере не разрешаем критиковать ЦК. В этих условиях приходится признать, что передача критических работ за границу с тем чтобы они сложным путем дошли обратно до ушей правительства - это единственный легальный канал "обратной связи" для внутренней политики? Разве никто в ЦК не понимает всей нелепости этой ситуации?

11. Наш способ политического управления является типичным режимом без обратной связи. В сущности мы соревнуемся с капитализмом, поставив сами себя в наиболее невыгодные условия, не используем всех возможных стимулов и всех каналов обратной связи, не доверяем собственным согражданам. Мы избежали бы многих ошибок и бедствий, если бы предоставили народу на первых порах хотя бы совещательный голос не формально, а на практике; и обратились бы, например, к испытанному методу обратной связи - свободной печати, то есть печати без политической и идеологической цензуры с указанной выше оговоркой. Не кажется ли Вам, что в стране возникли сейчас некоторые напряжения, которые могли быть легко и безболезненно сняты отменой цензуры, если однако провести ее вовремя?

12. Любая критика ЦК рассматривается как преступление. Поэтому люди либо "колеблются вместе с партией", либо отбрасываются к барьеру жестокой борьбы. Вы знаете конечно, что сейчас обнаруживается, хотя и малое, но растущее число людей, которые отброшены к этому барьеру. Эта "логика борьбы" навязывается самой властью. Я спрашиваю, какой в этом смысл? Не разумнее ли нам к концу 20-го века и через 60 лет после революции создать, наконец, нормальные промежуточные ступени взаимоотношений между гражданином и государством? Я подразумеваю снова и прежде всего, как первый шаг, - отмену цензуры печати, свободный обмен информацией, гласность.

13. Вы очевидно понимаете, что сажать оппозиционеров в псих-дома и калечить их там уколами - это мера вроде стерилизации политических противников в нацистском Рейхе. Здесь мне в сущности не о чем спрашивать.

С уважением Ю. ОРЛОВ,
Профессор, Др. Физ. Мат. Наук,
Чл. Корр. АН Армянской ССР,
Москва, II7485,
Профсоюзная ул., 102, корпус 7, кв. I,
Телефон: I29-5160

16 сентября 1973 года.